

автобиографической повестью-травелогом «Филон» (1796),²⁷ а также Бестужева, который в числе признаков романтизма назвал «стерновский дух анализа всех движений души, всех поступков воли»²⁸ и в собственной прозе, например, в повести «Мореход Никитин» (1834), выдерживал стерновский стиль на русском, бытовом и языковом, материале (здесь его предшественник — «Филон» Мартынова). К ряду отечественных «шендианских» произведений с оговорками относят повести В. Т. Нарезного и мало-российские повести Н. В. Гоголя,²⁹ в более подражательном роде — «Жизнь и мнения нового Тристрама» (1829) Я. И. де Санглена.³⁰ Ключевыми фигурами в этом ряду оказываются два единомышленника, М. С. Кайсаров и И. И. Мартынов, высказавшиеся в 1804 году в не прямой и двусмысленной, вполне стернианской, форме диалогической литературной игры, адресованной своему узкому «шендианскому» кругу.

²⁷ См. подробнее в нашей статье «И. И. Мартынов — наш шендианец» (в печати).

²⁸ *Бестужев-Марлинский А. А.* О романе Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем» // Декабристы. Эстетика и критика / Сост. и прим. Л. Г. Фризмана. М., 1991. С. 164–165.

²⁹ См.: *Дмитриева Е. Е.* Стернианская традиция и романтическая ирония в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1992. № 3. С. 18–27.

³⁰ См.: *Stewart N.* «Glimmerings of Wit». Laurence Sterne und die russische Literatur von 1790 bis 1840. Heidelberg, 2005.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-2-102-109

© Л. А. Сапченко

ПИСЬМО ДОЧЕРЯМ Н. М. КАРАМЗИНА СОФЬЕ НИКОЛАЕВНЕ И ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ: АТРИБУЦИЯ И ДАТИРОВКА*

В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится документ под названием «Письмо дочерям Н. М. Карамзина Софье Николаевне и Екатерине Николаевне...» без подписи и даты.¹

Принято считать, что автором письма является Н. М. Карамзин. Между тем почерк письма определенно не карамзинский. Очевидно, это копия. Чьей рукой сделана копия, также неизвестно.

В 2011 году это письмо (за исключением двух фрагментов) было опубликовано Л. А. Богдановой.

О самом письме и его датировке было высказано следующее суждение: «...очевидно, что написано это в Остафьеве летом, примерно в 1810–1811 годах, именно в это время у Карамзиных было две дочери, Софья и Екатерина».²

Между тем почерк и стиль письма, сама ситуация послания, упоминаемые в нем события, помещенные в нем стихи, шутки и словесные игры не позволяют согласиться с этим мнением.

Обратимся к тексту письма. Начинается оно так: «У меня давно готовится к вам послание, не знаю, будет ли конец.

Здорово, милые *Китайки!*
Пора для вас присесть к *сукну*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00292 А «Н. М. Карамзин и его окружение».

¹ РГАЛИ. Ф. 248. Оп. 2. № 18. Л. 1–2 об.

² *Богданова Л. А.* Образ Карамзина периода «Остафьевского затворничества» (по материалам РГАЛИ) // Карамзинский сборник. М., 2011. Вып. 1. С. 178.

И доставлять вам снова *байки*,
Как доставлял я в старину...»

Странное, на первый взгляд, приветствие дочерям Карамзина — «Здорово, милые Китайки» (неоткомментированное в статье Л. А. Богдановой) — объясняется совершенно определенным образом. Дело в том, что в апреле 1822 года Карамзину и его семейству были отведены два домика в Китайской деревне (комплекс построек в китайском стиле на территории Александровского парка в Царском Селе), о чем историограф сообщил Вяземским: «Мы собираемся ехать в Царское Село, но стало холодно. Нам отводят на нынешнее лето два домика в Китайской деревне: будет просторнее и красивее, но опасаемся сырости. Наш старый домик переделывают».³

По тому же шутивно-«метонимическому» принципу Карамзин именует себя и свое семейство («Русские китайцы») в письме к С. П. Румянцеву из Царского Села от 31 мая 1822 года.⁴ Таким образом, письмо к дочерям Карамзина, именуемым «милые Китайки», датируется летом 1822 года.

Автором письма также не мог быть Н. М. Карамзин, так как он ни «в старину», ни позже не «доставлял» своим дочерям какие-либо «байки», кроме того, в 1810–1811 годах он расставался со своими дочерьми Софьей и Екатериной (которым шел, соответственно, 9-й и 5-й год) лишь для поездок вместе с женой, Екатериной Андреевной, в нижегородское имение и в Тверь, т. е. находился отнюдь не в Остафьево, откуда пишет автор послания. В Остафьево же (или в Москве) оставались, как пишет Карамзин, «малютки».

Мне город душен стал и тошен.
Оставь его!⁵ Сказал себе —
И я в *Остафьево* заброшен,
Благодаря моей Судьбе.

Кто же из карамзинского окружения мог сказать о себе, что он «заброшен судьбою» в Остафьево? Безусловно, это П. А. Вяземский.

«В 1821 году Вяземский, обвиненный в „польских симпатиях“ и в „несогласии с видами правительства“, был отстранен от службы и удален из Варшавы»,⁶ где находился в качестве чиновника для иностранной переписки. О своем увольнении он узнал, находясь в отпуске в Петербурге.

«...Я, ни душою, ни телом не виноватый, а разве одною гимнастикой языка, прослыл за революционера и за карбонара <...>. Новосильцов написал мне, что Его Величество, уведолившись, что я держусь принципов, несогласных с видами правительства, и разглашаю их, находит нужным воспретить мне возвращение к месту служения моего в Варшаве»,⁷ — писал Вяземский в «Автобиографическом введении».

Упомянутые факты находят отражение также в переписке Вяземского, в его сочинении «Моя исповедь», а также в письмах Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева, И. И. Дмитриева.

³ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому (1810–1826) // Старина и новизна: исторический сборник. СПб., 1897. Кн. 1. С. 128.

⁴ Письма Н. М. Карамзина к графу С. П. Румянцеву // Русский архив. 1869. № 3. Стлб. 591.

⁵ Обыгрывание омофонов — сочетания слов «Оставь его» и названия имения «Остафьево» — обычно связывают с приездом Пушкина к Вяземскому, который будто бы не знал, как назвать свою усадьбу, и решил взять первое же слово, которое произнесет Пушкин по приезде. Когда на вопрос слуги, что делать с багажом, поэт ответил: «Оставь его», — то звучание этих слов послужило названием — «Остафьево». Однако из цитируемого письма к дочерям Карамзина ясно, что приписываемое Пушкину высказывание принадлежит на самом деле автору послания, вообще склонному к игре слов. В первый свой приезд Пушкин пробыв в Остафьево с 1 по 5 июня 1830 года, тогда как цитируемое стихотворение относится к 1822 году.

⁶ *Гинзбург Л. Я.* Вяземский // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1953. Т. 6. С. 391.

⁷ *Вяземский П. А.* Автобиографическое введение // Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1879. Т. 2. С. XVIII.

В первые минуты волнения опальный князь написал прошение на высочайшее имя об отказе от звания камер-юнкера. В «Моей исповеди» читаем: «Сей крутой и необыкновенный разрыв со службою запечатлел в глазах многих мое политическое своеволие. Карамзин был тогда в Царском Селе, и император также. Я уведомил Карамзина о случившемся со мною, когда уже подано было мое прошение, и заклинал его об одном, не ходатайствовать за меня при государе. С собственным ему благородством и нежным участием в судьбе близких его сердцу он просил у государя не помилования мне, но объяснения в неприятности, постигнувшей меня».⁸

10 июня 1821 года Карамзин извещал И. И. Дмитриева о перемене в судьбе Вяземского, которому «за нескромные разговоры его о политике не велено <...> возвращаться в Варшаву»: «Для объяснения Государь позволил мне прийти к нему в кабинет и милостиво сказал, что князь Петр может иметь место в Петербурге, если хочет; но князь не хочет... NB Все это между нами».⁹

В «Моей исповеди» Петр Андреевич писал также, что «не был достоин своей участи и что строгая мера», его постигшая, «была несправедливость частная и ошибка политическая».¹⁰ «Сим кончилось мое служебное поприще и началось мое опальное», — подводит итог Вяземский.¹¹

Свои именины Вяземский встретил в Петербурге и, по-видимому, у Карамзиных, так как 28 июня 1821 года Петр Андреевич писал к А. И. Тургеневу: «...Карамзины просят привезти завтра бутылку шампанского. <...> Для именин привези мне завтра в гостинец отставку от двора».¹²

В первой половине июля 1821 года князь еще оставался в Петербурге, бывал в Царском Селе, а 14 июля выехал в Москву «в дилижансе».¹³ Прибыв в Москву, князь вскоре сообщил об этом Карамзиным. 26 июля 1821 года Карамзин отвечает на письмо Вяземского: «...Сердечно благодарим вас за дружескую строку. По крайней мере знаем, что вы благополучно доехали...»¹⁴

По письму Вяземского не было ясно, где он остановился. «Где вы расположились, любезнейший князь, своим житьем-бытьем? — спрашивает Карамзин. — В Остафьеве?»¹⁵

28 июля 1821 года Петр Андреевич, судя по его письму к А. И. Тургеневу,¹⁶ еще находился в Москве, а 4 сентября послание тому же адресату было отправлено уже из Остафьева.¹⁷

В письме от 12 августа Карамзин надеется, что жена князя, Вера Федоровна, уже выехала из Варшавы к мужу и что Вяземские «все вместе» скоро соединятся «в любезном Остафьеве», в «наследственном княжестве, которое не уступает иному немецкому».¹⁸

30 августа Карамзин пишет: «...Дай Бог, чтобы впредь вы уже не расставались, худо проживая, добро наживая! Мысленно смотрим на вас отсюда в Остафьево: кажется, что лицо ваше уже веселее, наш умный князь; хандра миновала; вы улыбаетесь сатирически, но не сардонически: так ли? В самом деле, чего недостает для вашего совершенного земного блага? О небесном же, думаю, вы еще не тоскуете! Вы здоровы, молоды, имеете милое семейство, хорошее состояние, добрых приятелей, Остафьево, дворянский чин; прибавлю: душу, разум, дарование. Недостает вам разве уменья наслаждаться тем, что имеете; правда, что это не безделица: но кто виноват? Век живи, век учись... жить! Без науки и в попы не ставят. На том свете как вы посмеетесь над

⁸ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. С. 94.

⁹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 308.

¹⁰ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. С. 94–95.

¹¹ Там же. С. 94.

¹² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 2. С. 191.

¹³ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 310.

¹⁴ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому... С. 113.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 193.

¹⁷ Там же. С. 208.

¹⁸ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому... С. 116.

собою! Впрочем мы все составим там хор мертвецов, смеющихся над живыми. Я также не горазд счастию, с тою разницею, что мало и забочусь об этой невидальщине; смотрю в землю, взглядывая иногда на небо».¹⁹

Между тем, предаваясь по временам хандре, князь Вяземский нередко веселил себя и родных забавными стихами, шутками, игрой слов, шарадами и логогрифами, хотя это помогало не всегда.

Упоминания о словесных играх и ранее содержались в переписке Карамзиных с Вяземскими. Так, в своей приписке от 8 декабря 1820 года Софья Николаевна благодарит князя за «загадку, логогриф», а Екатерина Николаевна сообщает: «...никто из членов семьи не смог решить загадку, которая не так трудно и отгадывается, нам же показалась такой же каверзной, как загадка Сфинкса».²⁰

В 1821 году подобные послания продолжались. 21 октября Карамзин из Царского Села писал к Вяземскому, упоминая о его шуточных и сатирических опытах: «Грустно нам знать о вашей ипохондрии, милый князь: потому что ваша болезнь есть точно ипохондрия, скука или тоска от скуки. <...> Для чего бы вам не беседовать с музою? Вы умеете даже и в логогрифах нравиться: ваша „Слава“ почти славна; а басня рассмешила нас, равно как и журнальное объявление. Вы смешите других, а сами смотрите сентябрем».²¹

Под журнальным объявлением Карамзин подразумевает задуманный Вяземским комический рукописный журнал «Остафьевский вральман».²²

1-я книжка «Остафьевского вральмана» с логогрифами и шарадами датируется 26 сентября 1821 года. На первой странице значилось: «Остафьевский вральман. Русский журнал, по нынешний день издаваемый известным членом многих ученых обществ велико и мало Российских».

Далее следовало: «Примечание от издателя. Подписка принимается в Москве в Обществе любителей Русского Слова, а в Петербурге у Обухова моста. Имена подписавшихся, если подписчики будут, припечатываются после. Цена та же, что и на творение Графа Хвостова, когда он сам свои раскупает.

<...>

а) *Шарада*

Мой первый слог передовая буква,
Второй мой все назад ползет,
А сахар целому с лимоном вкус дает;
Но Глинка-Славянин воззвал: нет, с медом клюква!²³

б) *Логогриф*

При людях²⁴ я кумир всех смертных и всех стран,
Без них я, может быть, нечесаный болван;
При людях женщина, а без людей мужчина;
При людях божество, без них, подчас, скотина,
При людях я обман, я тень, я звук пустой,
Но вверен от судьбы бессмертия защите,
А слово люди истребите —
И я, я человек простой.²⁵

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 108–109. Оригинал по-французски: «...aucun membre de la famille n'ont pu résoudre l'énigme qui, quoique fort peu difficile à deviner, nous a paru aussi captieuse que l'énigme du Sphinx».

²¹ Там же. С. 119.

²² РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 869. Л. 9–12.

²³ Разгадка — «арак». «Арак, м., водка, выгнанная из сахарного тростника, патоки, риса или изюма (водка плодовая, из винограда и пр., назыв. ром и коньяк)» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863. Ч. 1. А–З. С. 18).

²⁴ «Люди» и «слово» здесь означают названия букв «Л» и «С» в кириллице.

²⁵ Вариант этого логогрифа, подписанный «К. В.» (т. е. «князь Вяземский»), был опубликован в «Прибавлениях» к «Русскому инвалиду» («Новости литературы»). Вместо: «А слово люди

Без слова гибелью по нивам разливаюсь
И пожираю вмиг несчетных сел запас,
При слове я равно стремглав распространяюсь
И часто пагубней сто раз! <...>²⁶

Но забавы лишь ненадолго отвлекали князя от размышлений о несправедливости судьбы.

10 ноября 1821 года он писал М. Ф. Орлову: «...Мне объявлено, что мой образ мыслей и поведения противен духу правительства, и в силу сего запрещают мне въезд в город, куда я добровольно просился на службу. Предлагая услуги свои в другом месте и тому же правительству, которое огласило меня отступником и почти противником своим, даюсь некоторым образом под расписку, что вперед не буду мыслить и поступать по старому. <...> Теперь живу в Остафьеве с семейством; на долго ли? не знаю».²⁷

Таким образом, после своей отставки в 1821 году Вяземский находился в Остафьеве, куда был «заброшен судьбой». В декабре Петр Андреевич возвращается в Москву. Не оставляя своих литературных занятий, 29 декабря 1821 года он пишет хорошо известное послание Екатерине Николаевне Карамзиной («Благодарю вас за письмо...»), т. е. стихотворные обращения к дочерям историографа были нередкими в творческой практике поэта.

Лето следующего года Вяземские также провели в своем имении.²⁸

Видимо, летом 1822 года опальный поэт имел намерение вернуться к своему рукописному журналу, поскольку он пишет дочерям Карамзина:

Опять я Вральман прошлогодний!
В деревне врать сто раз свободней,
На вольном воздухе простор.²⁹
В Москве не продерется взор
Сквозь мглу нелепостей и вздора.
Прорвись, тотчас покажут вора
И из толпы раздастся гул:
«Спасите! грабят! Караул!»
В Москве вранье на откуп взяли,
Откупщиков не перечесть,
Но вам Москва знакома сплошь
И вы их верно угадали.
Вот вам пример Московских врак:
Какой-то тупенькой остряк,
Не знаю я, один иль с шайкой,
Какой-то издал Каталог,
В котором хлещет он нагайкой
Москву и вдоль и поперек.
Тут по сережкам всем сестрицам:
Мужьям и женам, и девицам,
И старикам, и молодым.

истребите / И я, я человек простой» — напечатано: «Не будь людей — и не взыщите: / Я человек простой!» (Новости литературы. 1822. Кн. 1. № 9. С. 143–144). В экземпляре, оцифрованном для Электронной библиотеки Пушкинского Дома, инициал «В.» расшифрован карандашом: «В<яземский>» (<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=11373>; дата обращения: 31.01.2025). В следующем номере «Новостей...» дана была разгадка: «Логогриф, помещенный в предыдущем Но, значит — слава, Сава и лава» (Новости литературы. 1822. Кн. 1. № 10. С. 160).

²⁶ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 869. Л. 9–9 об.

²⁷ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 2. С. 109.

²⁸ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 262, 265, 267.

²⁹ Фрагмент послания со следующей строки и до слов: «Но хоть немного почестней» в статье Л. А. Богдановой не публиковался.

Всяк, всяк, от кедра до иссопа.³⁰
 Ума тут капля не с большим <так!>,
 А брани глупой два потопа.
 И что ж? Все в запуски твердят,
 Что я проказе виноват.
 Бывал я правда забиякой,
 Но не бывал дворной собакой,
 Что лает хрипло на гусей,
 Ходил я в бой, боец горячий,
 Но только на больших зверей.
 Конечно — промысл всё собачий,
 Но хоть немного почестней.³¹

В Остафьеве князь отмечал свои именины, причем в программу праздника входило катание на плоту по Остафьевскому пруду,³² о чем он и сообщает в следующих (прозаических) строчках шуточного письма к дочерям Карамзина, упрекнувших, по видимому, его в затянувшемся молчании: «А тут пришли праздники, приготовления, хлопоты, и перо выпало из рук, рифмы потонули на дне пруда вместе с мороженым и вином. Надобно было бы вытащить их, но вы за мое молчание сердитесь, и я не дождавшись конца, являюсь к вам как попало! Avec quoi on est riche, avec cela on est content. La chaumière n'est pas rouge par ses coins, mais rouge par ses pâtés.³³ Ne cherchez pas sur moi! (Не взыщите!)».³⁴

Подробности праздника³⁵ в июле 1822 года Карамзин узнал из письма Н. И. Кривцова, на свадьбе которого в 1821 году они с Екатериной Андреевной (супругой историографа) были посажеными отцом и матерью и который вместе со своей женой Екатериной Федоровной, урожденной Вадковской, побывал на именинах и дне рождения Вяземского (29 июня и 12 июля) в Остафьеве, где они «повеселились сельским образом».³⁶

Отвечая Кривцову, Карамзин пишет 20 июля 1822 года из Царского Села: «Измены остафьевского плота уже давно славятся в свете. Не в первый ли раз, от начала мира, утонуло мороженое? Князь Петр мог бы на этот случай написать остроумное послание к шукам опасного пруда своего. Сердечно радуемся вашим добрым об нем вестям, то есть о немрачном расположении его духа. Клятва Адамовского греха именно состоит в том, чтобы никому из людей не быть на земле счастливым, кому от судьбы, другому от себя; кому от беды, кому от скуки. Слава Богу, если наш умный, любезный хозяин остафьевский начинает менее скучать в жизни».³⁷

Это была, действительно, не первая «измена Остафьевского плота». 5 июля 1816 года Вяземский писал А. И. Тургеневу: «...А мы здесь веселимся, да топим добрых людей...».³⁸ Вероятно, имеется в виду именно то происшествие, когда во время переезда

³⁰ Иссоп — лекарственный или синий зверобой, одно из немногих растений, известное человечеству с библейских времен.

³¹ РГАЛИ. Ф. 248. Оп. 2. № 18. Л. 2.

³² Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 269.

³³ Пер.: «Чем богаты, тем и рады»; «Не красна изба углами, а красна пирогами». Эти два предложения на французском из письма Вяземского были выпущены в публикации Л. А. Богдановой.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 248. Оп. 2. № 18. Л. 2.

³⁵ Кук Е. В. Усадебные традиции домашних театрализованных постановок, музыкальных вечеров и увеселений в Остафьеве в первой половине XIX века // Остафьевский сборник. Остафьево, 2001. Вып. 7. С. 4–16.

³⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 269. См. также: Кук Е. В. Усадебные традиции домашних театрализованных постановок... С. 4–16.

³⁷ Погодин М. П. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с прим. и объяснениями М. Погодина: В 2 ч. М., 1866. Ч. 2. С. 334; Письма Н. М. Карамзина к Н. И. Кривцову // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 33–34 (3-я паг.).

³⁸ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. С. 51.

остафьевских гостей через пруд на другой берег, где был народный праздник, плот качнулся и его стало заливать водою; «но все достигли пристани, хотя и мокрые».³⁹

20 июля 1823 года Карамзин в письме к Дмитриеву, побывавшему в Остафье, вспоминал об этих событиях: «Жаль, что мы были только мысленно присутствующими на Остафьевском празднике,⁴⁰ дружеском и веселом, как надеемся. Верно, уже не катались на плоту и гости не боролись со стихиями!»⁴¹

Далее в послании дочерям Карамзина упоминается болезнь желез, которой была подвержена Софья Николаевна. Весной 1822 года этот недуг долго не отпускал ее, о чем обеспокоенный отец постоянно сетовал в своих письмах к близким. Узнав об улучшении здоровья Софьи Николаевны, Вяземский не преминул пошутить по тому поводу:

«Софии Николаевне.
Я с радости, божуся, запрыгал, как коза,
Узнав, что уж от вас отстала железа».

В том же шуточном тоне поэт обращается и к Екатерине Николаевне: «Екатерина Николаевна! Не гневайтесь! И для вас уж заготовлены стишки на случай первой бородавки, которая вскочит вам на нос».

Затем автор послания спрашивает:

«Что делает меньшей из Россов,
Не Холмогорский Ломоносов,
А Лилипутский в два вершка?
Знать в нем и память коротка!»

Можно предположить, что Вяземский имеет в виду сына Карамзиных — Николая, которому в это время было около 5 лет и о котором Карамзин в письме к А. Ф. Малиновскому от 20 июня 1822 года сообщил следующее: «Третьяго дни третий сын наш, Николай, разрезал себе лоб до самого черепа и очень испугал нас, особенно жену: знак останется навсегда. С детьми того и смотри, что беда».⁴²

Об этом же Карамзин написал С. П. Румянцеву: «На сих днях третий сын наш упал с окна и разрезал себе лоб до самого черепа: это нас испугало и огорчило. Бедный на всю жизнь останется с рубцом».⁴³

По всей вероятности, мальчик, упав лицом вниз, повредил себе не только лоб, но и нос, что и обыгрывает Вяземский в прозвище «Ломоносов».

Вяземский пишет далее:

«И он играть в молчанку мастер,
Уж не Жуковский ли Ланкастер,
Завел у вас не в добрый час
Взаимного молчанья класс!»

³⁹ *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников... Ч. 2. С. 334; Письма Н. М. Карамзина к Н. И. Кривцову. С. 33.

⁴⁰ «Остафьевский праздник: 29 июня Петров день, а 12 июля день рождения князя П. А. Вяземского. Последующие слова относятся к тому, что перед тем, при подобном случае, когда Дмитриев был в Остафье, паром, на котором переправлялось через реку (пруд. — Л. С.) большое общество, от тяжести и сильного волнения был залит водою и едва достиг благополучно берега» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 0158 (2-й паг.) (прим. Я. К. Грота и П. П. Пекарского)).

⁴¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 355–356.

⁴² Письма Карамзина к А. Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву. М., 1860. С. 64.

⁴³ Письма Н. М. Карамзина к графу С. П. Румянцеву. Стлб. 592.

Не имею времени кончить, а мысль была прекрасная, а именно так, как он Ломоносов, то прошу его щелкнуть в нос.

Ну как же не сказать, что ветры,
Как вертопрашкой петиметры,
Играют жизнью моей!

Простите, мои барышни! Когда увижу ваш *Китъ ай!*⁴⁴ *Боюся никогда!* Под эту глупость можно и лечь спать».

Говоря о «классе взаимного молчания», Вяземский иронически использует выражение «ланкастерская система взаимного обучения» и укоризненно намекает на перерыв в переписке. Письма Карамзина датированы так: 30 июня, следующее — только 28 августа, а затем — только 9 октября.

9 октября Карамзин, оправдываясь, пишет Вяземскому из Царского Села: «Любезнейший князь! Мы совсем не думали играть с вами в молчанку и ждали от вас ответа на свое письмо: по крайней мере девицы уверяют, что не вы, а мы писали последние. Впрочем не будем спорить: довольно знать, что и вы, и мы здоровы, уповая впредь на милость Божию, как писывали наши деды».⁴⁵

Между тем Вяземский не оставил филологические забавы. Он пишет А. И. Тургеневу 7 декабря 1822 года: «Отдай логогриф барышням Карамзиным. Слово: *чернильница*; в нем *лице, лица, чернила, черница* (ягода и монашенка), *Нина, цари, или, и, ни, Ирена, Ирина*. Вот это давай в „Инвалид“» (т. е. в «Русский инвалид». — Л. С.), да, разумеется, без подписи».⁴⁶

Позднее Вяземский вспоминал: «Было время, правда, давно, когда загадки, шарады, логогрифы служили игрушкой и забавою умнейших людей едва ли не умнейшего общества, в сравнении с другими обществами, как предыдущими, так и последовавшими. Они не пренебрегали этими гимнастическими играми ума (*jeux d'esprit*). Умные люди той эпохи, т. е. дореволюционной, во Франции и в других краях, не стыдились и поребачиться в часы отдыха от дела и от трудов, но зато ничего не было ребяческого в приемах, когда они брались за дело».⁴⁷

Таким образом, изучение текста «Послания...» дает возможность определить как время его написания, так и его автора. Автором «Послания к дочерям Н. М. Карамзина Софье Николаевне и Екатерине Николаевне» является П. А. Вяземский, сочинено оно летом 1822 года в Остафьеве. Сопоставление почерка исследуемого документа с автографами лиц из окружения Вяземского и Карамзина позволяет со значительной долей уверенности предположить, что копия послания сделана рукой Екатерины Николаевны Карамзиной.

Письмо дополняет существующие представления о карамзинском окружении, об эпистолярном поведении П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина и о литературной культуре того времени. Традиция «„безделок“, мелких стихотворений, а также дружеских посланий», «„камерная“ семантика намеков и автобиографические мотивы, понятные лишь для „немногих“, сказались также в лермонтовском стихотворении „Любил и я в былые годы...“»,⁴⁸ посвященном старшей дочери историографа — С. Н. Карамзиной.

⁴⁴ Раздельное написание слова объясняется, возможно, тем, что Вяземский представляет его как потенциальную шараду из двух слогов.

⁴⁵ Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому... С. 134.

⁴⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 286.

⁴⁷ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 334–335.

⁴⁸ Аллатова Т. А., Киселева И. А. Судьба традиций карамзинизма в творчестве М. Ю. Лермонтова // Отечественная филология. 2015. № 6. С. 72.

Любовь Александровна Сапченко

профессор Ульяновского государственного педагогического университета
имени И. Н. Ульянова

Lyubov Aleksandrovna Sapchenko

Professor, I. N. Ulyanov Ulyanovsk State Pedagogical University

ORCID: 0000-0001-7982-0893

ssj-sla@mail.ru

**ПИСЬМО ДОЧЕРЯМ Н. М. КАРАМЗИНА СОФЬЕ НИКОЛАЕВНЕ
И ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ: АТРИБУЦИЯ И ДАТИРОВКА****A LETTER TO SOFYA NIKOLAEVNA AND EKATERINA NIKOLAEVNA,
THE DAUGHTERS OF N. M. KARAMZIN: ATTRIBUTION AND DATING**

В статье определяется авторство и датировка «Письма дочерям Н. М. Карамзина Софье Николаевне и Екатерине Николаевне» (РГАЛИ, копия), ошибочно приписываемого Карамзину и неверно датированного 1810 годом. Архивные и эпистолярные источники, а также само содержание послания позволяют установить авторство П. А. Вяземского и уточнить датировку — лето 1822 года. Рукописная копия сделана, по-видимому, дочерью историографа Е. Н. Карамзиной.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, дочери, письмо, П. А. Вяземский, атрибуция, датировка.

The article defines the authorship and dating of the Letter to Sophia Nikolaevna and Ekaterina Nikolaevna, the Daughters of N. M. Karamzin (RGALI, copy), erroneously attributed to Karamzin and incorrectly dated 1810. The archival and epistolary sources, as well as the content of the message, point to the authorship to P. A. Vyazemsky and clarify the dating, summer of 1822. The handwritten copy was made, apparently, by the daughter of the historiographer E. N. Karamzina.

Key words: N. M. Karamzin, daughters, letter, P. A. Vyazemsky, attribution, dating.

Список литературы

1. Алпатова Т. А., Киселева И. А. Судьба традиций карамзинизма в творчестве М. Ю. Лермонтова // Отечественная филология. 2015. № 6.
2. Богданова Л. А. Образ Карамзина периода «Остафьевского затворничества» (по материалам РГАЛИ) // Карамзинский сборник. М., 2011. Вып. 1.
3. Гинзбург Л. Я. Вяземский // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1953. Т. 6.
4. Кук Е. В. Усадьбные традиции домашних театрализованных постановок, музыкальных вечеров и увеселений в Остафьево в первой половине XIX века // Остафьевский сборник. Остафьево, 2001. Вып. 7.

References

1. Alpatova T. A., Kiseleva I. A. Sud'ba traditsii karamzinizma v tvorchestve M. Iu. Lermontova // Otechestvennaia filologiia. 2015. № 6.
2. Bogdanova L. A. Obraz Karamzina perioda «Ostaf'evskogo zatvornichestva» (po materialam RGALI) // Karamzinskii sbornik. M., 2011. Vyp. 1.
3. Ginzburg L. Ia. Viazemskii // Istoriia russkoi literatury: V 10 t. M.; L., 1953. T. 6.
4. Kuk E. V. Usad'ebnye traditsii domashnikh teatralizovannykh postanovok, muzykal'nykh vecherov i uveselenii v Ostaf'evе v pervoi polovine XIX veka // Ostaf'evskii sbornik. Ostaf'evo, 2001. Vyp. 7.